

*Ты делаешь мне
больно, Трейнджер*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Чердак Интроверта
**Ты делаешь мне
больно, Грейнджер**

«Автор»

2026

Интроверта Ч.

Ты делаешь мне больно, Грейнджер / Ч. Интроверта — «Автор»,
2026

Шесть лет спустя после войны Гермиона Грейнджер, посвятившая себя исцелению магических травм разума, сталкивается со своим прошлым в лице Драко Малфоя. Их неожиданная встреча в больнице Святого Мунго, где угасает его отец, а она празднует новую жизнь, становится точкой отсчёта для новой, общей истории. Драко, сломленный грузом вины и отчаянно ищущий спасения для отца, вынужден просить помощи у той, кого когда-то презирал. Гермиона, движимая профессиональным долгом и состраданием, соглашается на рискованную терапию, не подозревая, что исцелять придётся не только старшего Малфоя. Работая вместе в холодных стенах Малфой-Мэнора, полного болезненных воспоминаний, они начинают медленно разрушать стены между собой. Под маской надменного аристократа Гермиона видит раненую душу, а Драко - в непоколебимой доброте "грязнокровки" - находит спасительный свет, который причиняет невыносимую боль. Это история о том, как прошлое, полное боли и ненависти, может стать фундаментом для будущего.

© Интроверта Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Неожиданная встреча	5
Неожиданное решение	10
Последствия	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Чердак Интроверта

Ты делаешь мне больно, Грейнджер

Неожиданная встреча

Запах больницы Святого Мунго всегда вызывал у Гермионы Грейнджер смешанные чувства. С одной стороны, это место было символом исцеления и надежды, обителью искусных целителей, чьими стараниями мир возвращался к нормальной жизни после каждой магической катастрофы. С другой – оно неизбежно напоминало о недавней войне, о ранениях, потерях и той хрупкости, с которой приходилось сталкиваться каждый день.

Сегодня ее визит был радостным. Джинни Уизли, ныне Поттер, родила сына, Джеймса Сириуса Поттера, названного в честь отца и крестного Гарри. Гермиона чувствовала себя почти тетушкой, и ее сердце переполняла нежность при мысли о крошечном свертке, который она скоро увидит. Она несла небольшой букет из незабудок и детскую погремушку, сделанную на заказ из зачарованного серебра, которая издавала нежный мелодичный звон при каждом движении.

Коридоры больницы были на удивление немногочисленны для середины дня. Светлые стены, окна с видом на магический Лондон, еле слышный шепот заклинаний исцеления – все это создавало атмосферу спокойствия, нарушаемую лишь изредка проезжающими мимо каталками или торопливыми шагами целителей. Гермиона шла по третьему этажу, где располагалось родильное отделение, ее каблуки отбивали ритмичный стук по отполированному полу.

Она уже почти дошла до палаты Джинни, когда услышала знакомый голос. Голос, который она не слышала уже много лет, но который, казалось, навсегда запечатлелся в ее памяти. Холодный, надменный, с едва уловимыми нотками аристократического превосходства.

«Да, но вы же понимаете, что это неприемлемо. Мой отец...»

Гермиона замерла. Драко Малфой. Что он здесь делает? Она повернула голову в сторону, откуда доносился голос, и увидела его. Он стоял у окна в конце коридора, спиной к ней, в черном, безупречно сшитом костюме, который идеально облегал его высокую, стройную фигуру. Его светлые, почти платиновые волосы были аккуратно уложены, как и всегда. Он разговаривал с целителем – невысокой женщиной средних лет в зеленой мантии, которая выглядела немного растерянной.

Гермиона почувствовала, как ее сердце ускорило ход. Шесть лет прошло с окончания войны, шесть лет с тех пор, как их пути разошлись. После суда над Малфоями, когда Люциус получил пожизненное заключение в Азкабана, а Нарцисса и Драко были оправданы благодаря показаниям Гарри и самой Гермионы, они больше не виделись. Она слышала лишь обрывки слухов: Малфои восстанавливают свой особняк, Драко пытается вернуть их имя в магическое сообщество... Но никаких личных встреч. Ни разу.

Она стояла, не решаясь двинуться, словно прикованная к месту невидимой силой. Стоит ли ей пройти мимо, делая вид, что не заметила? Или поздороваться? Последнее казалось абсурдным. Что можно сказать Малфоя после всего, что было?

В этот момент Драко повернулся, видимо, почувствовав ее присутствие. Его взгляд скользнул по коридору и остановился на Гермионе. Его голубые глаза, обычно холодные и расчетливые, на мгновение расширились от удивления, а затем на них опустилась привычная маска безразличия.

«Грейнджер», – произнес он, его голос был ровным, без единой эмоции.

Гермиона сглотнула. «Малфой», – ответила она, стараясь, чтобы ее голос звучал так же спокойно.

Целительница, почувствовав напряжение, поспешно ретировалась, оставив их одних. Коридор снова погрузился в тишину.

«Что ты здесь делаешь?» – спросил Драко, его взгляд скользнул по букету в ее руках.

«Я пришла навестить Джинни. Она родила сына», – Гермиона почувствовала, как легкий румянец заливал ее щеки. Она не знала, почему ей вдруг стало неловко. «А ты?»

Выражение лица Драко не изменилось, но в его глазах промелькнула тень чего-то, что Гермиона не смогла определить. «Это не твоё дело, Грейнджер».

Его обычная надменность. Что ж, она не должна была ожидать ничего другого. Но почему-то это всё равно задело ее.

«Конечно», – ответила она, ее голос стал чуть холоднее. «Просто удивительно видеть тебя здесь. Не каждый день встретишь Малфоя в больнице, если только...» Она осеклась, не желая продолжать фразу о том, что он сам не является пациентом.

Драко усмехнулся, но это была не та насмешливая ухмылка, которую она помнила по Хогвартсу. Эта была более горькой, что ли. «Если только кто-то из моей семьи не нуждается в помощи целителей, да, Грейнджер? Ты всегда была такой предсказуемой».

Гермиона нахмурилась. «Я не понимаю, о чем ты».

Он сделал шаг ей навстречу, и Гермиона инстинктивно отступила. «Не играй в дурочку. Ты прекрасно знаешь, что после Азкабана мой отец... его здоровье сильно пошатнулось. Он здесь».

Сердце Гермионы сжалось. Люциус Малфой. Конечно. Это было логично. Она слышала, что его перевели из Азкабана в больницу, но не придавала этому значения. Слишком много было других забот.

«Я... мне жаль», – сказала она, и это было искренне. Несмотря на всё, что Люциус сделал, она не могла желать ему страданий.

Драко опустил взгляд, его длинные ресницы отбрасывали тень на скулы. «Мне не нужна твоя жалость, Грейнджер».

«Это не жалость, Малфой. Это... сочувствие», – возразила Гермиона. «Независимо от того, что произошло в прошлом, никто не заслуживает такой участи».

Он поднял на нее глаза, и в них промелькнуло что-то, что Гермиона не могла разгадать – смесь боли, усталости и... благодарности? Но это было так мимолетно, что она почти сомневалась, что видела это.

«Ты всё ещё такая же, Грейнджер», – сказал он, и на этот раз его голос был почти мягким. «Всегда пытаешься найти добро в людях, даже там, где его нет».

«И ты всё ещё такой же, Малфой», – ответила она, ее губы тронула легкая улыбка. «Всегда пытаешься скрыть свои истинные чувства за маской безразличия».

На мгновение их взгляды встретились, и в воздухе повисло странное, неловкое молчание. Это было не враждебное молчание, а скорее... напряженное. Будто невидимая нить натянулась между ними, и любое неосторожное движение могло ее оборвать.

Драко первым отвел взгляд. Он снова посмотрел в окно, его профиль был четко очерчен на фоне неба. «Я должен идти. У меня встреча с целителем».

«Конечно», – Гермиона почувствовала легкое разочарование, но тут же подавила его. Чего она ожидала? Приглашения на чай? «Надеюсь, твоему отцу станет лучше».

Он кивнул, не поворачиваясь. «Спасибо».

Гермиона повернулась и пошла к палате Джинни, но ее шаги были уже не такими легкими. Встреча с Драко Малфоем, столь неожиданная и странная, оставила в ее душе след. Она думала о нем, о том, как он изменился, и о том, как он остался прежним. Он был всё ещё высокомерным, но в его глазах она увидела что-то новое, что-то более глубокое, чем просто презрение. Боль? Усталость? Отчаяние?

Она вошла в палату Джинни, где ее встретили радостные возгласы и счастливый смех. Гарри, Рон и Джинни сидели вокруг кровати, любуясь крошечным Джеймсом. Гермиона постаралась отбросить мысли о Малфое, полностью погрузившись в атмосферу радости и семейного уюта.

Но даже когда она держала Джеймса на руках, чувствуя тепло его крошечного тельца, ее мысли все равно возвращались к Драко. Что он чувствует, находясь рядом с отцом, который, возможно, никогда не оправится? Каково это – быть наследником имени, которое ассоциируется с позором?

***

Драко Малфой стоял у окна, наблюдая, как Грейнджер уходит. Ее рыжеватые кудри покачивались при каждом шаге, а спина была прямой, как всегда. Она была все такой же – умной, принципиальной, бесконечно доброй. И это бесило его. Бесило, что даже после всего, что их разделяло, она все равно могла проявить к нему сочувствие.

Ее слова о том, что он скрывает свои истинные чувства, задели его за живое. Потому что это была правда. Он всегда скрывал. С самого детства его учили, что эмоции – это слабость, что Малфой не плачет, не жалуется, не показывают своих чувств. И он следовал этому правилу всю свою жизнь.

Особенно сейчас, когда его отец лежал в палате, сломленный, опустошенный, лишь бледная тень того могущественного Люциуса Малфоя, которого он знал. Азкабан забрал у него все – его силу, его гордость, его разум. И Драко чувствовал себя беспомощным. Он, Драко Малфой, не мог ничем помочь своему отцу, кроме как обеспечивать ему лучший уход.

Он сжал кулаки. Эта больница была для него адом. Каждый раз, когда он приходил сюда, он видел напоминание о собственном бессилии. О том, что он не смог защитить свою семью. О том, что его имя, когда-то синоним могущества, теперь ассоциировалось с позором.

Грейнджер. Она была единственным человеком, который, казалось, видел сквозь его маску. Единственным, кто не смотрел на него с презрением или страхом, а с каким-то странным... пониманием. Это было одновременно раздражающе и... успокаивающе.

Он вспомнил ее слова: «Надеюсь, твоему отцу станет лучше». Простая фраза, но она прозвучала так искренне. Никто другой не сказал бы ему такого. Все остальные либо избегали его, либо смотрели с осуждением.

Драко вздохнул, его плечи слегка опустились. Он должен был идти. Целитель ждал его. Еще один разговор о состоянии отца, еще одно подтверждение того, что надежды мало.

Он направился к палате отца, его шаги были тяжелыми. Он прошел мимо двери палаты, где, как он догадался, находилась Джинни Уизли. Внутри слышался смех и детский плач. Жизнь продолжалась. У них. У него же...

Он вошел в палату отца. Люциус лежал на кровати, его когда-то блестящие светлые волосы были тусклыми и спутанными. Глаза были закрыты, а дыхание – неглубоким. Он выглядел старым и изможденным.

«Отец», – тихо сказал Драко. Он сел на стул рядом с кроватью и взял его руку. Кожа была холодной и сухой.

«Драко...» – прошептал Люциус, его голос был слабым и хриплым. Он открыл глаза, и Драко увидел в них привычную смесь боли и отчаяния.

«Как ты себя чувствуешь?» – спросил Драко, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

Люциус покачал головой. «Все так же. Темнота... она не отпускает».

Драко сжал его руку. Он знал, что имел в виду отец. Поцелуй дементора, хоть и не полный, оставил на нем неизгладимый след. Он был жив, но его разум был поврежден, его душа – истерзана.

«Целитель сказал, что мы можем попробовать новое зелье. Оно может облегчить твое состояние», – Драко старался говорить обнадеживающе, хотя сам не верил в это.

Люциус усмехнулся. «Зелье? Ни одно зелье не вернет мне то, что я потерял, сын. Мою честь... мою силу...»

Драко почувствовал, как в нем закипает гнев. Гнев на Темного Лорда, на войну, на все, что привело их к этому. Но он подавил его. Сейчас не время.

«Мы сделаем все, что сможем, отец. Я обещаю».

Люциус закрыл глаза. «Ты всегда был хорошим сыном, Драко. Лучше, чем я заслуживал».

Эти слова поразили Драко. Он никогда не слышал от отца ничего подобного. Люциус всегда был требовательным, суровым, почти никогда не выражал своих чувств. И сейчас, в таком состоянии, он говорил о любви.

Драко почувствовал комок в горле. Он сжал руку отца еще крепче. Ему хотелось плакать, кричать, но он не мог. Он был Малфоем. Он должен быть сильным.

Он провел рядом с отцом около часа, просто сидя и держа его за руку. Затем целительница вернулась, чтобы ввести новое зелье. Драко внимательно следил за каждым ее движением, пытаясь уловить хоть малейший признак улучшения. Но его не было.

Выйдя из палаты, Драко снова прошел по коридору. Он посмотрел на дверь, за которой находилась Джинни Уизли. Он представил себе Грейнджер, ее смех, ее радость. И он почувствовал странное, незнакомое чувство – зависть. Зависть к их простой, счастливой жизни. Зависть к тому, что они смогли двигаться дальше, а он застрял в прошлом, в тених своего имени и своей семьи.

Он направился к выходу из больницы, его мысли были в полном беспорядке. Встреча с Грейнджер была неожиданной и вызвала в нем бурю эмоций. Она была напоминанием о том, что есть другой мир, мир, где люди живут без страха и боли, где они могут быть счастливы.

Он вышел на улицу, глубоко вдохнул свежий воздух. Солнце светило ярко, но Драко чувствовал холод внутри. Он аппарировал домой, в Малфой-Мэнор, в особняк, который был восстановлен, но так и не смог вернуть себе былое величие. Каждый уголок этого дома напоминал ему о прошлом, о его ошибках, о его потерях.

На следующее утро Драко проснулся с тяжелым сердцем. Он провел бессонную ночь, размышляя о встрече с Гермионой и о состоянии отца. Ему нужно было что-то делать. Он не мог просто сидеть сложа руки и ждать, пока его отец угаснет.

Он отправился в Министерство магии, чтобы встретиться с одним из ведущих целителей, доктором Огденом, который специализировался на лечении душевных травм. Драко надеялся, что Огден сможет предложить что-то новое, что-то, что еще не было испробовано.

В приемной Огдена он сидел, ожидая своей очереди, и просматривал старые газеты. Его взгляд упал на колонку светской хроники, где была опубликована фотография Гарри Поттера и Джинни Уизли с новорожденным сыном. Рядом с ними стояли Рон Уизли и... Гермиона Грейнджер. Она улыбалась, ее глаза сияли. Она выглядела такой счастливой, такой беззаботной.

Драко почувствовал укол зависти. Он отложил газету и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на предстоящем разговоре с целителем. Он должен был быть сильным. Ради отца. Ради себя.

Когда его вызвали, Драко вошел в кабинет Огдена. Целитель был пожилым, добродушным мужчиной с седыми усами. Он предложил Драко присесть.

«Мистер Малфой, я понимаю, что вы обеспокоены состоянием вашего отца», – сказал Огден, его голос был мягким. «Мы делаем все возможное, но, к сожалению, его состояние очень тяжелое».

«Я знаю», – ответил Драко. «Но... есть ли что-то еще? Что-то, что мы не пробовали?»

Огден глубоко вздохнул. «Есть одна экспериментальная процедура. Очень рискованная, и мы не можем гарантировать результат. Она включает в себя глубокое погружение в воспоминания пациента, чтобы попытаться восстановить поврежденные участки разума».

Драко почувствовал, как в нем вспыхнула искра надежды. «Что это за процедура? И кто может ее провести?»

«Ее разработала одна очень талантливая молодая целительница. Она пока еще не практикует ее широко, но несколько случаев показали обнадеживающие результаты», – сказал Огден. «Ее зовут... Гермиона Грейнджер».

Драко замер. Гермиона Грейнджер. Та самая Гермиона Грейнджер.

«Грейнджер?» – повторил он, его голос был полон недоверия.

Огден кивнул. «Да. Она отказалась от карьеры в Министерстве, чтобы посвятить себя исследованиям в области целительства. Она очень одарена. Но, как я уже сказал, процедура очень рискованная. И она требует полного доверия между целителем и пациентом, а также... между целителем и его семьей».

Драко почувствовал, как его мир перевернулся. Гермиона Грейнджер – единственная, кто мог бы спасти его отца. Та самая Гермиона Грейнджер, которую он когда-то презирал, оскорблял, называл грязнокровкой. Та самая Гермиона Грейнджер, которая проявила к нему сочувствие вчера в больнице.

Судьба, казалось, играла с ним злую шутку. Но в то же время, в глубине души, Драко чувствовал странное предвкушение. Возможно, это был шанс. Шанс не только спасти отца, но и... изменить что-то в своей собственной жизни.

«Я хочу встретиться с ней», – сказал Драко, его голос был твердым и решительным. «Прямо сейчас».

Неожиданное решение

На следующий день Гермиона проснулась рано, хотя и провела бессонную ночь. Встреча с Драко Малфоем не выходила у нее из головы. Она привыкла к тому, что ее жизнь текла размеренно и предсказуемо: работа в Отделе регулирования магических существ, исследования в области целительства, встречи с друзьями. Но появление Малфоя, словно камень, брошенный в спокойную воду, нарушило ее привычный ритм. Она размышляла о нем, о его отце, о том, как изменился Драко и как, несмотря на внешние перемены, он оставался тем же гордым и замкнутым человеком, которого она знала.

И вот теперь, сидя за завтраком в своей уютной квартире, она вдруг почувствовала, что ее ожидает что-то необычное. Это было предчувствие, которое редко ее подводило. Она пыталась сосредоточиться на отчете о состоянии гиппогрифов, лежащем перед ней, но мысли постоянно возвращались к голубым глазам Малфоя, в которых она увидела столько боли.

Ее утренний ритуал прервал резкий стук в дверь. Гермиона вздрогнула. Кто бы это мог быть так рано? Она не ждала никого.

– Иду! – крикнула она, поправляя халат.

Открыв дверь, она застыла. На пороге стоял Драко Малфой. Он был одет в безупречный черный костюм, волосы уложены, а лицо выражало привычную смесь надменности и сдержанности. Но что-то в его позе, в напряжении его плеч, говорило о внутренней борьбе.

Гермиона моргнула.

– Малфой? Что ты здесь делаешь?

Драко выпрямился, его взгляд скользнул по ее лицу.

– Грейнджер. Мне нужно с тобой поговорить. Это срочно.

Его голос был низким, без тени привычной насмешки. Гермиона почувствовала, как по ее спине пробежал холодок.

– Заходи, – сказала она, отступая в сторону.

Драко вошел в квартиру, оглядываясь по сторонам с видом человека, попавшего в чужое и незнакомое место. Ее квартира была небольшой, но уютной, наполненной книгами и запахом свежесваренного кофе. Полный контраст с тем, что он, вероятно, привык видеть в Малфой-Мэноре.

– Садись, – Гермиона указала на кресло. – Хочешь кофе?

– Нет, спасибо, – он остался стоять, скрестив руки на груди. – Я пришел по делу, Грейнджер. По очень важному делу.

Гермиона почувствовала, как ее сердце ускорило ритм.

– Я слушаю.

Драко сделал глубокий вдох, словно собираясь с мыслями.

– Я был у доктора Огдена. Он рассказал мне... о твоей работе.

Гермиона нахмурилась. Доктор Огден был одним из ее наставников, он знал о ее экспериментальных исследованиях в области целительства, но она не афишировала их широко.

– О какой именно работе ты говоришь?

– О процедуре глубокого погружения в воспоминания, – ответил Драко, его голос звучал напряженно. – О попытке восстановить поврежденные участки разума.

Гермиона почувствовала, как ее щеки залил румянец. Это была самая рискованная и сложная часть ее исследований. Она работала над ней годами, и хотя были обнадеживающие результаты, она еще не была готова представить ее широкой публике.

– Да, я работаю над этим, – призналась она. – Но это очень сложная и...

– И рискованная, я знаю, – перебил ее Драко. – Но я готов рискнуть.

Гермиона недоуменно посмотрела на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Мой отец, – сказал Драко, и в его голосе промелькнула такая боль, что Гермиона с трудом узнала его. – Его состояние ухудшается. Целители... они бессильны. Огден сказал, что ты – наша последняя надежда.

Гермиона почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Люциус Малфой. Ее экспериментальная процедура для Люциуса Малфоя. Это было невыносимо.

– Малфой, ты понимаешь, о чем говоришь? – она подошла ближе. – Эта процедура... она требует огромной концентрации, полного доверия. И нет никаких гарантий. Я могу не справиться. А если я ошибусь, последствия могут быть необратимыми.

– Я понимаю, – сказал Драко, его глаза встретились с ее. В них не было привычной надменности, только отчаяние и решимость. – Но я готов на все. Я не могу просто сидеть и смотреть, как он угасает.

Гермиона обдумала его слова. Она никогда не предполагала, что ее исследования могут быть применены в таком случае. Люциус Малфой был врагом, символом всего того, против чего она боролась. Но он был и отцом, и в его глазах она видела страдание сына.

– Почему я? – спросила она. – Есть другие целители. Более опытные.

– Огден сказал, что только ты обладаешь необходимыми знаниями и... особой связью с магией разума, – ответил Драко. – Он сказал, что ты единственная, кто может проникнуть так глубоко.

Гермиона почувствовала себя польщенной, но в то же время напуганной. Это была огромная ответственность.

– И ты готов доверить своего отца мне? – ее голос был полон недоверия. – Мне, грязнокровке?

Лицо Драко исказилось. Он отвернулся, провел рукой по волосам.

– Не смей так говорить, Грейнджер, – его голос был низким и резким. – Я... я давно не использую это слово. И я знаю, что ты не такая. Ты... ты умная. И ты единственная, кто может помочь.

Гермиона внимательно посмотрела на него. В его словах не было лжи. Он был отчаян.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Я согласна.

Драко повернулся к ней, его глаза расширились от удивления.

– Ты... ты согласна? Так просто?

– Не так просто, Малфой, – Гермиона покачала головой. – Это будет очень тяжело. Для нас обоих. И я должна сразу предупредить: если я почувствую, что не справляюсь, или что это может принести больше вреда, чем пользы, я прекращу процедуру. Независимо от того, чего ты хочешь.

– Согласен, – быстро ответил Драко. – Я доверяю тебе.

Это было неожиданно. Драко Малфой, доверяющий ей. Мир действительно изменился.

– Хорошо, – Гермиона кивнула. – Тогда нам нужно обсудить детали. Процедура будет проходить в Святом Мунго. Мне понадобится отдельная палата, где мы сможем обеспечить полную конфиденциальность. И я должна буду иметь полный контроль над процессом. Никаких вмешательств.

– Все, что тебе нужно, Грейнджер, – Драко кивнул. – Я обеспечу.

– И еще кое-что, – Гермиона посмотрела на него. – Ты должен быть готов к тому, что я могу увидеть многое. Воспоминания твоего отца... они могут быть очень болезненными. И для тебя тоже.

Драко сжал губы.

– Я готов.

– Хорошо. Тогда давай начнем.

***

В течение следующих нескольких дней Гермиона и Драко работали над подготовкой к процедуре. Гермиона проводила часы в библиотеке, изучая древние тексты по магии разума, консультировалась с другими целителями, не раскрывая при этом всех деталей. Она чувствовала огромное давление, понимая, что на ее плечах лежит не только жизнь Люциуса Малфоя, но и репутация ее исследований.

Драко, в свою очередь, занимался организационными вопросами. Он обеспечил Гермионе доступ ко всем необходимым ресурсам в Святом Мунго, договорился о специальной палате и даже приставил к ней двух опытных невыразимцев, чтобы обеспечить безопасность и конфиденциальность. Гермиона была удивлена его дотошностью и эффективностью. Он был совершенно другим человеком, чем тот, которого она помнила по Хогвартсу – более зрелым, ответственным, хотя и не менее замкнутым.

Они встречались каждый день, обсуждая план действий, возможные риски и необходимые меры предосторожности. Эти встречи были деловыми, но Гермиона заметила, что постепенно напряжение между ними снижается. Они начинали общаться не как старые враги, а как коллеги, объединенные общей целью.

Однажды, когда они обсуждали график процедур, Драко вдруг спросил:

– А почему ты выбрала целительство, Грейнджер? Ты могла бы стать министром магии, или возглавить какой-нибудь департамент.

Гермиона задумалась.

– Я всегда хотела помогать людям. И я верю, что магия разума – это ключ к исцелению самых глубоких ран. Война оставила слишком много шрамов, не только на телах, но и на душах.

Драко кивнул, его взгляд стал задумчивым.

– Ты права.

Он замолчал, и Гермиона почувствовала, что он хочет что-то сказать, но колеблется.

– Что-то еще? – спросила она.

– Просто... спасибо, – произнес он, его голос был почти неслышен. – Спасибо, что согласилась.

Гермиона улыбнулась.

– Не за что, Малфой. Я делаю то, что считаю нужным.

В день начала процедуры Гермиона чувствовала себя необычайно нервно. Она провела утро, медитируя, чтобы очистить свой разум и сосредоточиться. Она надела свою целительскую мантию, которая была ей немного велика, и отправилась в Святой Мунго.

Драко ждал ее у входа в палату Люциуса. Он выглядел бледным, но его глаза горели решимостью.

– Все готово, Грейнджер, – сказал он.

Они вошли в палату. Люциус лежал на кровати, его глаза были закрыты. Он выглядел еще более изможденным, чем в прошлый раз. Гермиона почувствовала укол сострадания.

– Отец, – Драко подошел к кровати и взял его руку. – Это Гермиона Грейнджер. Она будет тебе помогать.

Люциус открыл глаза. Его взгляд был мутным, но Гермиона увидела в нем проблеск узнавания.

– Грейнджер... – прошептал он.

– Здравствуйте, мистер Малфой, – Гермиона подошла ближе. – Я сделаю все возможное, чтобы вам стало легче.

Она приготовила все необходимые артефакты: хрустальный шар, наполненный светящейся жидкостью, несколько зачарованных рун, которые должны были помочь ей сосредоточиться, и специальный головной обруч, который она надела на Люциуса.

– Малфой, – обратилась она к Драко, – ты должен будешь оставаться рядом. Твое присутствие, твоя связь с отцом, могут быть очень важны. Но ты не должен вмешиваться.

Драко кивнул. Он сел на стул рядом с кроватью, его рука по-прежнему сжимала руку отца.

Гермиона глубоко вздохнула. Она закрыла глаза, сосредоточилась, а затем произнесла древнее заклинание. Светящаяся жидкость в хрустальном шаре начала пульсировать, руны на ее руках засветились.

Она почувствовала, как ее сознание расширяется, проникая в глубины разума Люциуса Малфоя. Это было похоже на погружение в темную, бурлящую воду. Воспоминания, эмоции, страхи – все это обрушилось на нее мощным потоком.

Первое, что она увидела, было детство Люциуса. Роскошный Малфой-Мэнор, строгий, но любящий отец, гордая мать. Она увидела его первые шаги в магическом мире, его поступление в Слизерин, его первые успехи. Он был талантливым, амбициозным, жаждущим власти.

Затем картины начали меняться. Темные времена. Появление Темного Лорда. Страх, который охватил магический мир. Люциус, молодой и уверенный в себе, присоединяющийся к Пожирателям Смерти. Гермиона почувствовала его гордость, его ощущение собственной значимости, его веру в чистоту крови.

Были и болезненные моменты: его брак с Нарциссой, рождение Драко. Гермиона увидела его любовь к сыну, его желание защитить его, но и его жесткость, его стремление воспитать его таким, каким он сам был – сильным, бесстрашным, безжалостным.

Затем пришли годы войны. Ужас, потери, предательства. Она увидела его страх, его сомнения, его попытки сохранить свою семью в условиях хаоса. Она увидела его падение, его арест, его приговор.

И, наконец, Азкабан. Это было самое страшное. Темнота, холод, отчаяние. Дементоры. Гермиона почувствовала, как ее собственное сознание окутывает ледяной покров, как ее собственные счастливые воспоминания начинают угасать. Это было невыносимо.

Она хотела отступить, но вспомнила слова Драко: «Он – наша последняя надежда». Она должна была продолжать.

Гермиона сосредоточилась, пытаясь найти в этом хаосе хоть какую-то нить, за которую можно было бы ухватиться. Она искала свет, искру надежды, что-то, что могло бы вернуть Люциуса к жизни.

И она нашла ее. В самых глубоких уголках его разума, под слоями боли и отчаяния, она обнаружила крошечный, мерцающий огонек. Это были воспоминания о Драко. О его детстве, о его смехе, о его успехах. О его любви к сыну.

Гермиона начала направлять свою магию к этому огоньку, пытаясь разжечь его, сделать его сильнее. Она посылала ему образы Драко, его голос, его прикосновения. Она чувствовала, как ее собственная энергия истощается, но она не сдавалась.

В какой-то момент она почувствовала сопротивление. Разум Люциуса боролся с ней, отталкивал ее. Это было тяжело, но Гермиона продолжала. Она знала, что это часть процесса, что его разум пытается защититься от боли.

Внезапно, она почувствовала, как ее собственное сознание начинает дрожать. Образы стали расплывчатыми, звуки – приглушенными. Она была на грани.

– Грейнджер? – она услышала голос Драко, словно издалека. – Что происходит?

Она не могла ответить. Ей казалось, что она тонет.

И тут она почувствовала прикосновение. Теплое, сильное. Рука Драко коснулась ее плеча. Это было неожиданно, но это прикосновение, казалось, вернуло ее к реальности. Оно заземлило ее, дало ей силы.

Гермиона сосредоточилась на этом прикосновении. Она использовала его как якорь, чтобы удерживаться на плаву в бурных водах разума Люциуса. Она снова направила свою энергию к огоньку, и на этот раз он вспыхнул ярче.

Она почувствовала, как разум Люциуса начинает стабилизироваться. Темные облака рассеивались, и сквозь них пробивались лучи света. Воспоминания о Драко становились все яснее, все отчетливее.

Гермиона почувствовала, как силы оставляют ее. Она медленно вывела свое сознание из разума Люциуса, разорвала связь. Она покачнулась, и Драко тут же подхватил ее.

– Грейнджер, ты в порядке? – его голос был полон беспокойства.

Гермиона с трудом открыла глаза. Она была вся в поту, ее тело дрожало.

– Я... я справилась, – прошептала она. – Я смогла.

Она посмотрела на Люциуса. Его глаза были открыты, и в них не было прежней мутности.

Он смотрел на Драко, и в его взгляде была ясность, которую Гермиона не видела раньше.

– Драко... – произнес Люциус, его голос был слабым, но отчетливым. – Мой сын...

Драко склонился над ним, его лицо было искажено эмоциями.

– Отец, – он сжал его руку. – Ты вернулся.

Гермиона наблюдала за ними, чувствуя невероятное облегчение. Она справилась. Она дала им шанс.

– Это только начало, – сказала она, ее голос был хриплым. – Ему потребуется много времени и сил, чтобы восстановиться. Но я думаю, что мы на правильном пути.

Драко повернулся к ней, его глаза были полны слез, но на его лице была улыбка.

– Спасибо, Грейнджер, – сказал он. – Спасибо за все. Ты... ты спасла его.

Гермиона почувствовала, как ее сердце наполнилось теплом. Это было то, ради чего она жила. Ради таких моментов.

Она посмотрела на Драко, на его счастливое лицо. И впервые за все время их знакомства она увидела в нем не только надменного Малфоя, но и человека, который был способен на искренние чувства.

Возможно, эта процедура изменила не только Люциуса, но и их самих. Возможно, это было только начало чего-то нового, чего-то, что они еще не могли понять.

Последствия

Гермиона проснулась на следующее утро с ощущением, что ее тело весит тонну. Голова гудела, мышцы ныли, словно она всю ночь разгружала грузовики с камнями. Сознание возвращалось медленно, принося с собой обрывки вчерашнего дня: тусклый свет палаты, запах антисептика, напряженное лицо Драко и... тот самый момент, когда разум Люциуса Малфоя поддался, и она почувствовала, как сквозь тьму пробивается свет.

Она села на кровати, потирая виски. Процедура была изнурительной, но результат того стоил. Люциус Малфой пришел в себя. Это было чудо, маленькое, но значимое. И она, Гермиона Грейнджер, была частью этого чуда.

Вчерашние слова Драко – «Ты спасла его» – эхом отдавались в ее голове. Он произнес их с такой искренностью, с такой болью, что это растопило лед в ее сердце. Она никогда не думала, что увидит Малфоя таким – уязвимым, благодарным, почти... человеческим.

Она встала, потянулась и направилась в ванную. Холодный душ помог ей окончательно проснуться. Глядя на свое отражение в зеркале, она заметила темные круги под глазами, но в них горел огонек удовлетворения.

Вернувшись в спальню, она обнаружила на прикроватной тумбочке букет свежих незабудок – тех самых, что она несла Джинни, и записку. Почерк был аккуратным, но явно мужским.

«Грейнджер,

Надеюсь, ты хорошо отдохнула. Твой подвиг вчера был... впечатляющим. Целители говорят, что состояние отца стабильно. Он даже немного поел.

Я хотел бы поговорить с тобой о дальнейших шагах. И, возможно, угостить тебя завтраком. Если, конечно, ты не боишься есть в компании Малфоя.

Завтрак в 9:00 в кафетерии Святого Мунго.

Д.М.»

Гермиона улыбнулась. Приглашение на завтрак от Драко Малфоя. Мир действительно сошел с ума. Но в то же время, это было... приятно. Она почувствовала легкое волнение.

Она быстро оделась, выбрав простую, но элегантную мантию цвета индиго. Она расчесала волосы, собрала их в привычный пучок, но потом передумала и оставила их распущенными, позволяя им свободно падать на плечи.

В кафетерии Святого Мунго было довольно оживленно. Целители, пациенты, посетители – все смешивались в гуле голосов и звоне посуды. Гермиона быстро нашла Драко. Он сидел за столиком у окна, как всегда, безупречно одетый, с чашкой кофе в руке. Он выглядел немного уставшим, но в его глазах больше не было того отчаяния.

– Доброе утро, Малфой, – сказала Гермиона, подходя к столику.

Драко поднял голову, и на его лице появилась легкая улыбка.

– Грейнджер. Ты пришла. Я думал, ты решишь, что это слишком... рискованно.

– Почему рискованно? – Гермиона села напротив него. – Еда в больничных кафетериях обычно безопасна.

Драко хмыкнул.

– Я имел в виду мою компанию.

– Я пережила Волан-де-Морта, Малфой. Думаю, справлюсь и с тобой за завтраком, – Гермиона подмигнула.

Улыбка Драко стала шире.

– Что будешь? Я уже заказал.

– О, ты такой заботливый, – Гермиона усмехнулась. – Я возьму то же, что и ты.

Вскоре перед ними появились две тарелки с омлетом, тостами и беконом. Они ели в тишине, наслаждаясь едой и неожиданной компанией. Гермiona заметила, что Драко ест медленно, вдумчиво, словно смакуя каждый кусочек.

– Как твой отец? – спросила Гермiona, отпивая кофе.

– Лучше, – ответил Драко. – Он спал почти всю ночь. Утром проснулся, был в сознании. Даже спросил, что у нас на завтрак.

Гермiona улыбнулась.

– Это хороший знак.

– Да. Спасибо тебе, Грейнджер. Я... я не знаю, как тебя благодарить.

– Не нужно, – Гермiona покачала головой. – Я просто делала свою работу.

– Это было нечто большее, чем просто работа, – Драко посмотрел на нее. – Ты рисковала.

Ради человека, который... который причинил тебе боль.

Гермiona вздохнула.

– Война закончилась, Малфой. И я верю в искупление. Каждый заслуживает второго шанса.

– Даже Люциус Малфой? – его голос был полон сомнения.

– Даже Люциус Малфой, – твердо ответила Гермiona. – Тем более, что он твой отец. И ты его любишь.

Драко опустил взгляд, его щеки слегка покраснели.

– Он мой отец, – тихо произнес он. – И он очень страдал, но он это заслужил.

Они снова погрузились в тишину. Гермiona чувствовала, что Драко хочет что-то сказать, но не решается.

– Так что насчет дальнейших шагов? – спросила она, чтобы разрядить обстановку.

– Целители говорят, что ему потребуется длительная реабилитация, – ответил Драко. – Твоя процедура помогла восстановить его разум, но его тело... и его душа еще очень слабы. Ему нужна постоянная поддержка. И... возможно, еще несколько сеансов твоей терапии.

Гермiona кивнула.

– Я понимаю. Я готова помочь. Но я должна быть уверена, что он сам этого хочет. И что он готов работать над собой.

– Я поговорю с ним, – Драко кивнул. – Я думаю, он будет готов. Он... он изменился. Он больше не тот человек, которого ты знала.

– Время меняет всех, Малфой, – Гермiona улыбнулась. – Даже тебя.

Драко посмотрел на нее, и в его глазах мелькнула искорка.

– Возможно.

Они закончили завтрак, обсуждая детали реабилитации Люциуса. Гермiona заметила, что Драко стал более открытым, более разговорчивым. Он даже несколько раз пошутил, и Гермiona поймала себя на мысли, что его юмор не так уж плох.

Когда они вышли из кафетерия, Драко проводил ее до палаты Люциуса.

– Я пойду к нему, – сказал он. – А ты... ты можешь вернуться домой и отдохнуть. Ты заслужила.

– Спасибо, Малфой, – Гермiona улыбнулась. – Я зайду к нему позже, после того, как поговорю с целителями.

– Хорошо, – Драко кивнул. – До встречи, Грейнджер.

– До встречи, Малфой.

Гермiona пошла по коридору, чувствуя себя странно воодушевленной. Встреча с Драко Малфоем, которая началась с такой неловкости, превратилась в нечто... приятное. Она даже подумала, что ей понравилось с ним завтракать.

Она провела несколько часов в библиотеке Святого Мунго, изучая новые исследования в области реабилитации после магических травм. Она чувствовала прилив вдохновения, новые идеи рождались в ее голове.

Когда она вернулась в палату Люциуса, Драко сидел рядом с ним, читая ему вслух какую-то книгу. Люциус выглядел гораздо лучше. Его глаза были ясными, он даже слегка улыбался.

– Мистер Малфой, – Гермиона подошла к кровати. – Как вы себя чувствуете?

Люциус посмотрел на нее.

– Мисс Грейнджер. Я... я чувствую себя... по-другому. Как будто я вернулся откуда-то очень далеко.

– Это хорошо, – Гермиона улыбнулась. – Вашему разуму нужен отдых, но я думаю, что мы сможем добиться полного выздоровления.

– Драко рассказал мне о вашем предложении, – сказал Люциус. – Я согласен. Я готов работать над собой.

Гермиона кивнула.

– Это будет нелегко, но я верю, что у нас все получится.

Они обсудили план реабилитации, который включал в себя не только магическую терапию, но и физические упражнения, и даже занятия живописью, чтобы помочь Люциусу выразить свои эмоции.

В течение следующих нескольких недель Гермиона проводила большую часть своего времени в Святом Мунго. Она работала с Люциусом, проводя короткие, но интенсивные сеансы терапии, помогая ему восстанавливать утраченные воспоминания и справляться с травмами прошлого.

Драко всегда был рядом. Он присутствовал на каждом сеансе, поддерживая отца, разговаривая с ним, делясь своими воспоминаниями. Гермиона видела, как он меняется. Он стал более терпеливым, более чутким. Его отношения с отцом улучшались с каждым днем.

Они с Драко стали проводить много времени вместе. Они обедали, ужинали, обсуждали прогресс Люциуса, делились новостями. Гермиона узнала, что Драко активно занимается восстановлением имени Малфоев, инвестирует в новые магические технологии, поддерживает молодых волшебников. Он был умен, дальновиден и очень предан своей семье.

Однажды вечером, после особенно изнурительного сеанса, они сидели в кафетерии, пили чай.

– Ты устала, – сказал Драко, заметив, как Гермиона потирает виски.

– Немного, – Гермиона улыбнулась. – Но я рада, что мы добились такого прогресса. Люциус сегодня даже вспомнил одну из своих любимых книг.

– Да, – Драко кивнул. – Он читает ее каждый вечер.

Они замолчали. Воздух был наполнен легким звоном посуды и приглушенными головами.

– Спасибо, Грейнджер, – сказал Драко, нарушая тишину. – За все.

– Не за что, Малфой, – Гермиона посмотрела на него. – Ты тоже много сделал. Ты был рядом с ним. Это очень важно.

– Я знаю, – Драко вздохнул. – Я... я не всегда был хорошим сыном. Я был слишком гордым, слишком...

– Мы все совершаем ошибки, Малфой, – Гермиона мягко улыбнулась. – Важно то, что мы извлекаем из них уроки.

Драко посмотрел на нее, и в его глазах промелькнуло что-то, что Гермиона не могла определить. Это было нечто новое, нечто более глубокое, чем просто благодарность.

– Ты очень... добрая, Грейнджер, – произнес он.

Гермиона покраснела.

– Это не доброта, Малфой. Это... понимание.

– Возможно, – Драко улыбнулся. – Но это все равно приятно.

Они сидели так еще некоторое время, наслаждаясь тишиной и присутствием друг друга. Гермиона чувствовала, как между ними растет невидимая связь, связь, основанная на взаимном уважении и доверии.

На следующий день Гермиона пришла в больницу, чтобы провести очередной сеанс с Люциусом. Когда она вошла в палату, ее встретил Драко.

– Грейнджер, – сказал он, его голос был напряженным. – У меня для тебя новость.

Гермиона почувствовала, как ее сердце тревожно сжалось.

– Что-то случилось? С Люциусом?

– Нет, нет, – Драко покачал головой. – С ним все в порядке. Это... это касается нас.

Гермиона вопросительно посмотрела на него.

– Что касается нас?

Драко сделал глубокий вдох.

– Мой отец... он решил вернуться в Малфой-Мэнор. Целители сказали, что он достаточно окреп, чтобы продолжить реабилитацию дома.

Гермиона почувствовала легкое разочарование. Она привыкла к тому, что проводит здесь так много времени.

– Это отличная новость, Малфой, – сказала она. – Я рада за него.

– Да, но... – Драко замялся. – Он хочет, чтобы ты продолжала его терапию. В Мэноре.

Гермиона замерла. Малфой-Мэнор. Место, где она пережила столько боли, столько страха. Место, где ее пытали.

– В Мэноре? – переспросила она.

– Я понимаю, что это может быть... тяжело для тебя, – сказал Драко, заметив ее реакцию. – Но отец чувствует себя там безопаснее. И он доверяет тебе. Он сказал, что только ты сможешь помочь ему окончательно восстановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.